Я ЗА ТЕБЯ

АЛЕКСАНДР ТРИПОЛЬСКИЙ

Александр Трипольский
Я за тебя

https://litres.ru/74955208
SelfPub; 2026

Аннотация

Мать благодарит Артёма за вечер, который он с ней не проводил. Жена вспоминает разговор, которого он не помнит. Кто-то успевает за него всё: привезти лекарства, выслушать, остаться рядом.

Поначалу это даже облегчение.

Потом в прихожей появляется вторая пара одинаковых тапочек. На ночной записи Артём открывает дверь человеку, которого камера не видит. А знакомый голос отвечает из комнаты, где никого не должно быть.

Тот, кто приходит вместо него, учится. Запоминает семейные истории, перенимает жесты, исправляет ошибки. С каждым днём близким всё труднее понять, кто перед ними.

Сегодня ты узнаешь его по чужой привычке.

Завтра он её исправит.

Содержание

Глава 1. Ключи 4
Глава 2. Последний слайд 14
Глава 3. До операции 22
Глава 4. Запасные 29
Глава 5. Завтра 34
Глава 6. План квартиры 42
Глава 7. Чашки 49
Глава 8. Пятый этаж 56
Глава 9. Не буди 63
Глава 10. Один оборот 68
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Александр Трипольский
Я за тебя

Глава 1. Ключи

Лена проснулась от звука молнии.

Артём стоял у шкафа и пытался застегнуть куртку. Нижний край подкладки попал в замок. Он вытянул ткань, провёл ладонью по карманам и вернулся к стулу, на котором оставил джинсы.

— На комоде, - сказала Лена.

Он посмотрел на неё.

— Ключи. Под квитанцией.

Артём приподнял листок.

— Я телефон ищу.

— Телефоном ты светишь.

Он опустил глаза на собственную руку.

Лена подвинулась к краю кровати и включила лампу.

— Иди сюда.

— Мне пора.

— На минуту.

Он сел рядом. Матрас прогнулся, и она съехала к нему, упёрлась лбом в плечо. От куртки пахло улицей, хотя сегодня он ещё никуда не выходил.

— Ты ночью спал вообще?

— Спал.

— Сколько?

— Лен.

— Поняла. Очень содержательно.

Она высвободила из молнии оставшуюся складку и застегнула куртку до середины.

— Теперь можно выходить в люди.

Артём поцеловал её в висок.

— Вечером буду раньше.

— Сегодня четверг.

Он подождал, пытаясь вспомнить.

— У меня презентация. Я говорила.

— Точно. Во сколько?

— В три. Но тебя я дома жду не к трём.

— К семи постараюсь.

— Просто напиши, если задержишься. Я тогда поем.

На комоде завибрировал телефон. Мать прислала фотографию коробки с лекарствами.

«Эту после еды?»

Артём увеличил снимок.

— Она опять перепутала? - спросила Лена.

— Там упаковки похожие.

Он набрал ответ, стёр, позвонил. Пока ждал, заметил, что Лена держит на коленях раскрытую ладонь. На коже остался след от молнии.

— Мам, доброе утро. Нет, эту вечером. Белую ты уже пила?

Лена выключила лампу.

* * *

Замок заедал с осени. Чтобы запереть дверь, требовалось немного приподнять ручку и повернуть ключ дважды. Артём собирался вызвать мастера, но сначала думал, что достаточно смазать механизм, потом потерял номер, который дала соседка.

Лена научилась закрывать с первого раза. У него получалось не всегда.

Он потянул дверь на себя, повернул ключ. Один оборот, второй. Дёрнул ручку.

Из квартиры донеслось:

— Хлеб!

— Помню.

— Ты и вчера помнил.

Он достал телефон и записал в заметки: «Хлеб. Молоко. Маме батарейки».

Потом спустился на один пролёт и вернулся. Проверил ручку ещё раз. Дверь была заперта.

* * *

После операции мать стала звонить из-за вещей, с которыми раньше справлялась сама. Спрашивала, можно ли открыть окно, если в выписке написано избегать переохлаждения. Просила послушать холодильник: ей казалось, что он

гудит иначе. Однажды позвонила проверить, работает ли телефон.

Артём тогда сидел на совещании. Он вышел в коридор, выслушал её и ответил резче, чем собирался. Мать сразу сказала, что больше не будет отвлекать.

Вечером он привёз продукты. Она уже стояла у плиты, придерживая живот рукой.

— Ты зачем встала?

— Картошку поставила.

— Я же сказал, привезу готовое.

— Я услышала.

Он убрал кастрюлю с конфорки. Мать отошла к окну. До самого ужина они обсуждали только продукты: что положить в морозилку, у чего заканчивается срок, почему он купил столько помидоров.

Теперь перед каждым звонком Артём несколько секунд смотрел на её имя. Потом отвечал нарочито бодро. От этого она начинала говорить ещё осторожнее.

В четверг он приехал к ней в обед.

Батарейки купил, а хлеб оставил на кассе. Вспомнил об этом уже у подъезда, когда проверял чек.

Мать открыла в домашнем платье, поверх которого надела кардиган.

— Не холодно тебе?

— Мне нормально. Ты раздевайся.

— Я ненадолго.

— Тогда куртку на стул положи. На крючке пыль.

На кухне было тепло. На подоконнике стояли стакан с водой, блюдце и телефон. Рядом лежала выписка, расправленная под сахарницей.

Артём заменил батарейки в тонометре. Проверил показания, записал в блокнот.

— Ел? - спросила мать.

— Да.

— У меня суп есть.

— Мам, я с работы.

— Ну я тоже с работы раньше приходила. Есть от этого не переставала.

Он улыбнулся и сел.

Она поставила перед ним тарелку, достала сметану. Ложка уже лежала на столе.

За окном мужчина в оранжевой жилетке убирал листья из водостока. Два раза провёл по одному месту, отошёл посмотреть и вернулся. Артём следил за ним, пока мать рассказывала про соседку сверху. Телефон лежал возле тарелки экраном вниз. Он сам его перевернул.

Когда суп закончился, оказалось, что прошло двадцать пять минут.

— Чёрт.

— Что?

— Мне к двум надо было вернуться.

Он поднялся, едва не опрокинув стул.

— Оставь тарелку, - сказала мать.

— Я быстро.

— Артём.

Он уже включил воду. Она забрала у него губку.

— Езжай. Я тарелку вымыть могу.

В прихожей мать придержала его за рукав.

— Ты Лене вечером позвони. Она вчера сказала, у неё что-то важное.

— Я знаю.

— Ну и хорошо.

Он застегнул куртку. На этот раз подкладка не попала в молнию.

* * *

В три семнадцать от Лены пришло сообщение: «Всё».

Артём увидел его в уведомлениях, когда открывал рабочий чат. Над сообщением уже лежали два новых: фотография стола с ноутбуком и «Меня трясёт».

Он написал: «Как прошло?»

Лена не ответила.

Позвонить получилось через сорок минут. Он вышел к лестнице, где обычно ловила связь.

— Ну что? - спросил он.

— Хорошо.

— Взяли проект?

— Да. С доработками, но это ожидаемо.

— Я же говорил.

Лена помолчала. На лестнице кто-то оставил раскрытое ведро с краской. Артём отодвинул его носком ботинка от края ступени.

— Ты поела?

— Пока нет.

— Поешь.

— Сейчас.

— Я к семи, как обещал.

— Хорошо.

Он хотел добавить что-нибудь ещё, но она уже попрощалась.

Вернувшись за стол, Артём открыл её фотографию. На экране ноутбука виднелся первый слайд. Он приблизил, прочёл заголовок и только тогда заметил у края кадра её руку: Лена держалась за стол так крепко, что побелели костяшки.

Он написал: «Горжусь тобой». Посмотрел на слова. Добавил сердце.

* * *

Без двадцати семь он купил хлеб, молоко и две слойки с сыром. Одну съел по дороге от магазина. Крошки попали в шарф. Вторую положил сверху, чтобы не раздавить.

В подъезде пахло жареным луком. На пятом этаже за дверью лаяла маленькая собака, сердито и с перерывами, словно ждала ответа.

Артём приложил палец к кнопке звонка и вспомнил, что у него есть ключи. Вставил ключ. Замок открылся после од-

ного оборота.

Он задержался, потом нажал на ручку.

— Это я.

Из кухни ответила Лена:

— Я слышу.

Она стояла у плиты в рабочей блузке, с убранными за уши волосами. На столе лежала распечатка презентации. Некоторые строки были перечёркнуты карандашом.

— Я слойку принёс.

— Клади. Я сейчас достану тарелку.

Артём поставил пакет на стол.

— Ты выходила?

— Нет.

Он снял шарф.

— Дверь на один оборот была закрыта.

Лена убавила огонь.

— А, я, наверное. Курьер приезжал.

— Ты сказала, не выходила.

— Я и не выходила. Он до квартиры поднялся.

Она показала подбородком на бутылку соуса возле плиты. Артём кивнул. Снял куртку, повесил на крючок. Под ней обнаружилась его старая кофта, которую он утром не мог найти.

Они сели ужинать. Лена достала из пакета слойку, разломила и положила половину ему.

— Я свою съел.

— Значит, ещё съешь.

Она начала рассказывать про презентацию. Постепенно заговорила быстрее. Показала замечания на распечатке, изобразила заказчика, который всё время пытался приблизить изображение двумя пальцами на обычном мониторе. Артём рассмеялся. Лена повторила жест, и он чуть не подавился.

Потом она потянулась за телефоном.

— Маме твоей надо ответить.

— Что пишет?

— Благодарит.

Лена повернула экран.

«Спасибо, что отпустила его ко мне днём. Посидели хоть спокойно».

— Она как будто у тебя меня одалживает, - сказал Артём.

— Ей просто приятно было.

— Я понял.

Они доели. Артём убрал посуду и на этот раз сразу вымыл обе тарелки.

Перед сном он прошёл в прихожую. Приподнял ручку, повернул ключ. Два оборота. Проверил.

Уже в спальне вспомнил, что не ответил матери на вечернее сообщение. Достал телефон.

Она прислала фотографию тонометра. Ниже было написано:

«Вот сейчас столько. Ты сегодня у меня ключи не забыл?

На тумбочке лежат».

Его ключи были на комоде, под квитанцией.

Он набрал: «Мои дома. Покажи, какие у тебя».

Фотография пришла почти сразу. На тумбочке возле материнской двери лежала связка с потёртым синим брелоком. У брелока не хватало уголка.

Артём поднял свои ключи, поднёс ближе к лампе.

Он несколько раз переключился между фотографией и перепиской. Потом нажал вызов.

— Мам, это сейчас снято?

— Конечно. Ты же попросил.

— Я утром к тебе приеду. Ключи пока не трогай.

— Хорошо. А чего шепчешь?

Артём обернулся. Лена уже спала.

Глава 2. Последний слайд

В пятницу Лена пришла в офис в той же блузке. Обычно она так не делала, но после презентации затянулась работа, дома они с Артёмом долго ужинали, потом она уснула, не сняв серёжки. Утром одна нашлась под подушкой, вторую пришлось искать с фонариком. Воротник пах кремом, который она нанесла перед сном.

В лифте коллега Вера протянула ей бумажный стакан.

— Это что?

— Кофе. Тебе. Победный.

— А если бы не приняли?

— Я бы выпила оба.

Лена взяла стакан. Крышка держалась плохо. На девятом этаже лифт остановился рывком, и кофе попал ей на пальцы. Она выругалась, Вера рассмеялась и вытащила салфетку, уже скомканную, но чистую с одной стороны.

До своего стола Лена дошла улыбающейся.

В проектном бюро было слишком жарко. По средам кто-нибудь открывал окно, по четвергам кто-нибудь заболевал, в пятницу спорили, можно ли включить кондиционер. Сегодня спор ещё не начался. Вера повесила куртку прямо на спинку кресла и спросила, как отпраздновали.

— Слойкой, - сказала Лена.

— Богатые люди.

Лена включила компьютер. Открылись вчерашние вкладки: шрифты, таблица площадей, три варианта фасада. На последнем слайде осталось красное примечание заказчика. Она навела курсор, но стирать не стала. Пусть ещё час побудет доказательством, что всё действительно закончилось.

Артём написал: «Как ты?»

Она ответила фотографией кофе. Он прислал улыбающееся лицо, спросил, не обожглась ли. Лена долго смотрела на этот вопрос. Вчера он по телефону спросил только, взяли ли проект. Она почувствовала себя мелочной: человек ездит к матери, работает, ещё и старается помнить её дела. Нельзя проверять любовь по формулировкам.

Она написала: «Чуть-чуть».

Ответ пришёл сразу: «Холодной водой подержи».

Вера заглянула через разделитель.

— Мы в обед идём? Или у тебя теперь гонорар и ты с нами больше не ешь?

Лена прикрыла телефон ладонью, хотя на экране не было ничего личного.

* * *

В обед они сидели в кафе через дорогу. Вера говорила о собеседовании в другом бюро, делала вид, что не очень хочет туда попасть, и каждые несколько минут возвращалась к их окнам с видом на залив.

Лена слушала, отламывая корку от хлеба. У соседнего столика женщина кормила мальчика. Тот не открывал рот, пока

она не отворачивалась, и тогда быстро ел сам. Мать каждый раз заставала уже пустую ложку и начинала проверять пол под стулом.

— Ты со мной? - спросила Вера.

— Да. Окна. Премия раз в квартал. Начальник моложе тебя, это подозрительно.

— Ладно, со мной.

Вера подвинула к ней блюдце с десертом.

— А у тебя что?

— В смысле?

— Кроме презентации. Вчера ты была какая-то…

Она поискала слово, сдвинув брови.

— Разгруженная.

Лена усмехнулась.

— Есть такое слово?

— Теперь есть. Ты утром не на всех ругалась. Мы решили, тебе ночью кто-то помог.

Лена поставила чашку. Керамика стукнула о край блюдца.

— В среду?

— Ну да. Ты в четверг пришла и впервые за месяц сказала, что выспалась.

В ночь со среды на четверг она действительно спала хорошо. Артём пришёл поздно и сразу лёг. Лена помнила, как светился телефон на подоконнике: она положила его заряжаться и не стала ставить будильник, решив, что проснётся от его звонка.

До этого было другое. Разговор, после которого она сидела на полу кабинета и перестала плакать. Не хотелось обсуждать его здесь, между чужими обедами.

— Мы поговорили с Артёмом.

— Ну и отлично.

Вера отодвинула тарелку, заметила непривычную серьёзность на её лице и тоже стала серьёзной.

— Я без шуток. Я рада.

Лена кивнула. Она вдруг испугалась, что расскажет слишком много и испортит этим то, что получилось. У них с Артёмом были хорошие разговоры. Просто этот оказался таким неожиданным, что ей хотелось беречь его как редкую удачу.

* * *

Ближе к вечеру начался дождь. Вода била по жестяному козырьку с неровным звуком. Лена сохранила файл и прошла в переговорную, куда поставили коробки с образцами.

Нужно было найти зелёный пластик. Заказчик вчера называл его тёмным, хотя на экране он выглядел светлее. Лена хотела снять образец у окна, чтобы больше не спорить.

Переговорная была пустой. На столе стояли чужая кружка и маленькая картонная ёлка, оставшаяся с прошлого декабря. Вера никак не могла заставить себя выбросить её: вырезал сын.

Лена раздвинула коробки. Нашла не тот зелёный, убрала обратно. За спиной негромко закрылась дверь.

— Я сейчас, - сказала она, не оборачиваясь.

Никто не ответил. Она решила, что кому-то понадобился стол для звонка. Достала ещё одну коробку.

— Если на встречу, я минуту буквально.

Тишина стала ощутимой. Снаружи, за стеклянной перегородкой, двигались люди. Кто-то нёс пачку бумаги. На стене горел прямоугольник от выключенного проектора.

Лена обернулась.

В переговорной никого не было.

Дверь была закрыта. Она подошла, толкнула: свободно. В коридоре коллега говорил в гарнитуру, Вера стояла у принтера. Лена спросила, заходил ли кто-нибудь.

— Уборщица, может? - Вера подняла пачку скомканных листов. - Я не видела.

Лена кивнула. Вернулась за коробкой. Если механизм доводчика сработал с задержкой, дверь могла закрыться сама. Она попробовала придержать её и отпустить. Дверь медленно дошла до рамы, защёлка щёлкнула точно так же.

Она даже улыбнулась.

Потом заметила, что кружка на столе стояла ближе к краю. Наверное, сама задела коробкой. Лена переставила её в безопасное место и только после этого увидела на внутренней стенке полоску помады.

Цвет был её. Тёплый, кирпичный. У Веры был ярко-розовый, у остальных она не знала.

Лена вымыла кружку в офисной кухне. Пока споласкивала, пыталась вспомнить, заходила ли утром в переговорную

с кофе. Кофе был в бумажном стакане. Но вчера она точно пила из кружки. Могла оставить.

Она поставила её в сушилку. Кружек оказалось много; эта ничем не выделялась.

* * *

По пути домой Лена позвонила матери. Та обрадовалась, спросила про проект, потом начала рассказывать про новый магазин возле дома. Лена выслушала. Не поправляла её, когда она в третий раз назвала скидку на сыр.

После смерти отца мать разговаривала о мелочах с такой обстоятельностью, будто от правильного выбора продуктов теперь зависело всё. Лена раньше пыталась переводить разговор на него. Мать уходила мыть посуду, искать очки, смотреть, не кипит ли чайник.

Сегодня Лена спросила:

— Мам, ты ночью спишь?

— Сплю. А что?

— Ничего. Просто.

Мать помолчала.

— Ты сама бы отдыхала побольше.

Лена стояла под козырьком магазина и смотрела, как Артём печатает ей сообщение. Пузырьки появлялись и исчезали.

— Я нормально.

— Ты вчера звонила и тоже сказала, что нормально.

Лена перестала смотреть на экран.

— Вчера?

— Ну да. Днём. Я в аптеке была, ты сказала, потом перезвонишь.

Она могла позвонить. Вчера был длинный день. Лена посмотрела журнал вызовов; последним значился вторник. Наверное, через мессенджер.

— А ты чего хотела? - спросила мать.

— Да ничего. Услышать тебя.

Они поговорили ещё немного. Когда Лена положила трубку, Артём наконец прислал: «Задержусь на полчаса. Ты ешь».

Она купила готовые котлеты и пошла домой. На кухне включила свет, поставила пакет на стол. Сверху лежала салфетка из кафе, которой Вера вытирала ей руку. Лена достала её и выбросила.

Ожидание сообщения вдруг закончилось. Она могла поесть, открыть сериал, лечь раньше. Не нужно было сохранять вечер нетронутым, пока вернётся Артём.

Котлеты оказались пересоленные. Она съела одну, вторую убрала в контейнер.

Когда он пришёл, спросила, голоден ли. Он сказал, что очень. Лена достала вторую котлету, села рядом и предупредила про соль.

— Я заметил, - сказал он, уже жуя.

Они засмеялись.

Вечер всё-таки получился хорошим. Позже Лена вспоми-

нала именно это и сердилась, когда память подсовывала ей закрывшуюся дверь переговорной.

Глава 3. До операции

До операции Нина Сергеевна ходила быстро. Не из бодрости: ей всё время казалось, что остальные нарочно тянутся. У кассы она доставала деньги заранее, в автобус входила, уже держа проездной, на светофоре начинала переходить, когда красный ещё не погас, но в соседнем потоке машины уже остановились.

После больницы от дома до аптеки она добиралась двенадцать минут. Однажды засекла. Не стала никому говорить.

В пятницу сын уехал, оставив на столе тонометр. Она убрала его в коробку, потом достала обратно: Артём расстроится, что зря возился с батарейками. Поставила рядом с фруктами. Яблоки там начали сморщиваться. Сын покупал новые, не проверяя старые, и Нина Сергеевна перекладывала их вниз, чтобы сначала съесть то, что хуже.

Квартира снова стала большой.

Она включила телевизор, переключила три канала и оставила передачу про ремонт. Женщина на экране радовалась кухне, в которой теперь не было её старого стола. Нина Сергеевна знала, что ей самой такой ремонт не понравился бы. Все вещи убрали, а новые расставили так, что дома можно только показывать гостям, как здесь красиво.

Она пошла в маленькую комнату за вязанием. Крючок лежал в коробке с нитками. Начатая жилетка для Лены успе-

ла стать неактуальной: сначала та носила длинные, потом короткие, теперь ходила в пиджаках. Нина Сергеевна распустила два ряда и снова отложила.

На телефоне не было новых сообщений.

* * *

Зоя жила через две двери. Они познакомились из-за протечки в начале двухтысячных, когда Нина Сергеевна ещё работала сменами. Зоя постучала с тазиком, спросила, не льётся ли у неё. Не лилось ни у кого; лопнула труба в стене. С тех пор обе при первом звуке воды поднимали глаза к потолку.

После возвращения Зои из больницы ей требовалось, чтобы первые ночи кто-нибудь оставался рядом. Племянница жила за городом, муж умер давно. Нина Сергеевна предложила сама. Тогда ещё могла спать в кресле, не подкладывая под поясницу подушку.

За день до той ночи Артём написал, что приедет помочь. Потом прислал голосовое из шумного места. Нина Сергеевна не расслышала половину, но поняла главное: ложись, я побуду.

У Зои в кухне был зелёный свет. Она купила дешёвую лампу и упорно уверяла, что так глаза отдыхают. Нина Сергеевна проверила лекарства, положила рядом блокнот, а потом они долго смотрели старую передачу, где всех участников уже не было в живых.

Ночью она так и не дождалась сына.

Теперь, вспоминая ту смену, Нина Сергеевна всё время

останавливалась на одном месте. Зоя просила выключить телевизор, она встала, увидела на кухне тарелку. Почему-то чистую, хотя перед этим они обе ели. Ничего особенного. Тарелку можно вымыть и не запомнить.

Дальше в памяти было утро дома. Окно чуть приоткрыто. Суп на плите, забытый накануне. Между этими двумя картинками надо было пройти по коридору, взять пальто, открыть дверь. Она знала, что сделала всё это. Отдельно вспоминать бессмысленно.

После операции такие провалы стали пугать. Не в событиях - в мелких переходах. Поставила воду греться и уже сидит в комнате. Взяла очки и нашла их на носу. Врач говорил, что усталость пройдёт постепенно.

Она старалась не жаловаться. Как только говоришь сыну, что забываешь, он начинает надписывать тебе упаковки. Сперва это приятно. Потом смотришь на собственную кухню и видишь инструкции, будто собираешься впервые ею воспользоваться.

* * *

Зоя позвонила после обеда.

— Ты дома?

Нина Сергеевна хотела спросить, где ещё ей быть, но удержалась.

— Дома.

— Супа тебе принести? Я чечевицу сварила.

— У меня есть.

— У тебя наверняка сын накупил контейнеров.

— Я сама тоже готовлю.

Зоя не стала спорить. Сказала, что зайдёт вечером, если Нина не против. Нина ответила, что не против, и сразу посмотрела на раковину. Там стояли две чашки. Она помыла обе, вытерла стол, переложила яблоки в другое блюдо.

Посетители видят именно то, что собираешься убрать через минуту.

Зоя пришла в половине шестого. Долго снимала обувь, ругая низкую банкетку, принесла суп в маленькой кастрюльке. Сказала, что не в подарок: кастрюльку пусть вернут.

Они сели на кухне. Телевизор из комнаты бормотал про стены, которые нельзя сносить.

— Выключи, - попросила Зоя. - Как в очереди сидим.

Нина Сергеевна пошла за пультом и вдруг не смогла найти. Он всегда был на столе или на диване. Проверила под журналом, возле тонометра. Зоя окликнула из кухни:

— Я сама, если не можешь.

— Могу я.

Она нажала кнопку на корпусе телевизора. В квартире стало тихо. Возвращаясь, заметила пульт на полке возле двери. Положила в карман, хотя раньше никогда туда не клала.

Зоя ела яблоко, снимая кожуру одной длинной полоской.

— Сын-то помогает?

— Конечно.

— А то ты его всё гонишь. Он посидит со мной, а ты по

телефону просишь, чтобы не задерживался.

Нина Сергеевна села.

— Когда посидит?

— Ну я про тот раз. Вы оба там вокруг меня бегали. Мне неудобно даже было.

— Он утром приехал.

Зоя пожала плечом.

— Утром так утром. У меня дни тогда совсем перепутались.

Нина Сергеевна увидела, как подруга перехватила нож. Та не смотрела на неё, делала вид, что занята кожурой.

Они обе были достаточно взрослыми, чтобы иногда помогать друг другу забывать неловкое. Нина могла перепутать. Зоя могла. Ни одной не хотелось, чтобы это стало темой беседы.

— В субботу кресло поедем выбирать, - сказала Нина Сергеевна.

Зоя обрадовалась новой теме. Начала рассказывать про соседку с первого этажа, которой привезли массажное кресло, а оно не пролезло в дверь.

* * *

Они просидели до темноты. Нина Сергеевна включила свет над столом, верхний не стала: от него в окне отражалась вся кухня, и казалось, что снаружи тоже сидят двое.

Зоя вымыла кастрюльку сама. Нина возражала, потом смирилась и села, потому что устала стоять.

Из комнаты донёсся короткий писк телевизора.

Обе посмотрели на дверь.

— Ты выключала? - спросила Зоя.

— Да.

На экране горел синий прямоугольник: источник сигнала не найден. Телевизор иногда включался после скачка напряжения. Нина Сергеевна знала это, хотя прямо сейчас не смогла бы вспомнить ни одного такого случая.

Она достала пульт из кармана. Посмотрела на него.

Наверное, нажала сама. Когда наклонилась или прижалась к столу. Нина с силой нажала кнопку. Экран погас.

— Техника, - сказала Зоя.

Они больше не обсуждали.

Когда гостья ушла, Нина Сергеевна прошла по комнатам. Она не проверяла, есть ли там кто-нибудь. Просто собирала чашки. В спальне чашек не было. В маленькой комнате тоже. Возле окна стояли старые коробки Артёма, которые он обещал забрать. У одной отогнулась крышка.

Она прижала её ладонью. Картон хрустнул.

Под крышкой лежала его школьная куртка. Слишком маленькая для взрослого мужчины. Нина Сергеевна зацепила ткань двумя пальцами, потянула, но разбирать коробку не стала.

Закрыла дверь маленькой комнаты. Пришла на кухню и налила воды. Пульт оставила возле стакана, чтобы утром не искать.

Телефон зазвонил, когда она уже легла. Сын спрашивал, как себя чувствует. Голос у него был усталый, раздражение пряталось за бодростью. Он старался.

— Хорошо, - ответила она.

— Точно?

— Точно.

— Тебе чего-нибудь привезти?

Она посмотрела на пустую половину комнаты.

— Ничего не надо. Поспи.

После звонка долго держала телефон в руке. Экран погас, и в тёмном стекле отразился край дверного проёма.

Нина Сергеевна переложила телефон экраном вниз.

Когда она была маленькой, мать запрещала оставлять зеркало напротив кровати. Нина всегда считала это глупостью. Сейчас ей тоже было глупо, и она выключила ночник, чтобы не видеть отражений вообще.

Засыпая, она услышала, как в кухне слегка стукнула кастрюлька о плиту.

Зоя поставила её неровно. Дно остывало. Металл иногда издаёт такие звуки.

Нина Сергеевна закрыла глаза плотнее, стараясь больше не прислушиваться.

Глава 4. Запасные

Утром в пятницу на материнской тумбочке лежали ключи от дачи.

Артём стоял над ними в куртке. Мать достала очки и опять посмотрела на экран.

— Я эти сняла.

Он приблизил вчерашнюю фотографию. Синий брелок распался на неровные квадраты. При желании в них можно было увидеть и потёртый пластик, и кожаный чехол, к которому были пристёгнуты дачные ключи. Снимок получился тёмным. Мать фотографировала без верхнего света.

— Ты их перекладывала?

— Нет.

— А ещё кто-нибудь заходил?

— Кто ко мне заходит? Ты да Лена.

Она отступила, пропуская его на кухню.

Он снял куртку. На столе сохла вымытая кружка. Под ней темнел мокрый круг.

— Рано проснулась?

— Как обычно.

— Ты же кофе пока не пьёшь.

— А кружку мыть можно.

Мать сказала это без раздражения, но Артём почувствовал, что пора прекратить. Положил телефон экраном вниз.

Пока она ела кашу, он проверил лекарства. Все блистеры были надписаны его почерком. На одном обнаружилось новое: «Уже приняла». Мать часто забывала, выпила таблетку или только собралась, и он купил ей таблетницу. Та стояла в шкафу, завёрнутая в аптечный пакет.

— Неудобная она, - сказала мать, проследив за его взглядом. - Ячейки маленькие.

— Давай другую возьмём.

— Давай.

Она неожиданно легко согласилась. Артём испытал облегчение. Допил чай, вынес мусор. Дачные ключи убрал на крючок, отдельно от городских.

* * *

В субботу они с Леной поехали выбирать матери кресло. В магазине Лена уселась в первое же, откинула спинку и отказалась вставать.

— Эту женщину мы не знаем, - сказал Артём подошедшему консультанту.

— Тогда покупайте вместе с креслом, - ответила она.

Консультант засмеялся с задержкой, проверяя, можно ли.

Мать тоже смеялась, прикрыв рот пальцами. По дороге домой потребовала заехать за пирожными. Ей было нельзя поднимать тяжёлое, но коробку она всю дорогу держала сама.

Вечером собирали кресло. Артём перепутал два болта. Мать заметила первой и с удовольствием указала на инструк-

цию.

— У нас тут инженеры, - сказала Лена.

— У нас тут аудитория, - ответил он. - Неподготовленная.

Они поужинали втроём. Мать рассказала, как на работе однажды увезла домой чужое пальто. Артём знал эту историю, но Лена попросила подробностей. Оказалось, в кармане лежал билет в театр, и мать доехала до самого театра, прежде чем поняла ошибку.

Артём смотрел на неё из-за края чашки. После больницы она казалась меньше; сегодня вернулась прежняя привычка занимать весь стол жестами.

Когда они уходили, мать обняла Лену. Артёма попросила вынести ещё один пакет. Он подождал у порога, глядя, как она достаёт чистую посуду из сушилки.

— Мам, мы пойдём уже.

— Идите, - сказала она. - Я сейчас.

— Ты куда?

Она повернулась с тарелкой в руке.

— Никуда. Заговорилась.

* * *

Дома Лена сняла туфли и прямо в прихожей села на пол.

— Хороший день.

Он опустился рядом. Из пакета пахло картоном и оставшимися пирожными.

— Ты ночью меня напугал, - сказала она.

— С ключами?

— Ты ночью на комоде всё перебирал. Я проснулась, не поняла, что происходит.

Артём рассказал про фотографию.

Лена попросила показать, приблизила изображение, потом уменьшила.

— Да тут вообще ничего не видно.

— Теперь я тоже так думаю.

Она вернула телефон.

— Хочешь, завтра к ней одна съезжу? Ты поспишь.

Артём собирался отказаться. Вместо этого кивнул.

— Спасибо.

Лена прислонилась щекой к его плечу. Он сидел, пока у него не затекла нога. Не стал двигаться сразу.

* * *

В воскресенье он проснулся в половине двенадцатого. Дома никого не было. На плите стояла сковорода под крышкой, на телефоне - сообщение: «Завтрак там, где огонь. Не потеряй».

Он поел, включил стиральную машину. От матери пришло: «Лена доехала. Не звони, отдыхай».

В спальне на стуле лежала его кофта. Артём взял её, чтобы бросить к остальному белью. Рукав был влажный. Он понюхал: хозяйственное мыло.

На прошлой неделе у матери прорвало шланг под раковиной. Артём вытирал воду этой кофтой, потому что тряпок не хватило. Мать потом забрала её постирать. Он совсем забыл.

В четверг кофта уже висела в прихожей. Лена могла привезти её раньше, да и мать - передать с ним в пакете. Он попытался вспомнить, был ли пакет в четверг. В памяти осталось только, как он клал батарейки на стол.

Артём набрал Лене вопрос про кофту. Не отправил. Стер и написал: «Что на ужин хочешь?»

Она ответила почти сразу: «Ничего не хочу готовить».

Он нашёл доставку, выбрал два блюда и показал ей корзину. Она прислала сердечко.

Позже, вынимая бельё, он обнаружил, что кофта так и осталась на стуле. Влажный рукав был перекинут через спинку. Под ним на сиденье сохранилась маленькая лужица.

Артём провёл по ней пальцем.

Вода была тёплая.

Глава 5. Завтра

В воскресенье они ели доставку с маленького журнального столика. Лена сказала, что за большим всегда получается как на работе. Артём положил на колени полотенце: суп был жидкий, крышка контейнера гнулась, и он не доверял ни ей, ни собственным рукам.

В телефоне стояла программа на следующую неделю. Он переносил в неё напоминания с бумажек. Лекарства забрать во вторник. Матери купить большую таблетницу. В четверг оплатить интернет. Лене - ничего. На секунду стало стыдно, словно именно пустая строка доказывала, что он про неё забывает.

— Нам надо куда-нибудь выбраться, - сказал он.

— Надо.

Она сидела на ковре, поджав одну ногу. На экране телевизора двое искали потерянный чемодан. Звук был выключен, поэтому история выглядела тревожнее, чем должна была.

— В субботу, например.

— Ты в субботу обещал полку маме повесить.

— Это недолго.

Лена посмотрела на него, потом потянулась за соусом.

— Давай без «недолго». Когда сможешь, тогда и выберемся.

Артём отложил телефон.

— Я же сам предлагаю.

— Я слышу.

— А выглядит, будто опять что-то не так.

Она поставила маленькую баночку на стол. На крышке осталось жирное пятно от пальца.

— Потому что я уже начинаю ждать. Потом ты напишешь, что задерживаешься, и я буду злиться. А ты приедешь уставший, и мне станет стыдно, что я злюсь. Я сейчас не хочу запускать это заранее.

Он смотрел на её тарелку. Она взяла меньше него и почти не ела.

— Я не нарочно.

— Я знаю.

Это прозвучало мягко, и от мягкости было труднее защититься.

Артём взял ложку. Суп успел остыть. Он размешал его, хотя размешивать было нечего.

— Давай просто субботу запишем, - сказала Лена. - Если не получается, до пятницы решим. Не в тот момент, когда я уже обутая у двери.

Он открыл программу и поставил: «Суббота. Мы». Показал ей.

— Доволен, - сказала она, глядя на него.

— Очень.

Лена рассмеялась и забрала телефон. Переименовала событие: «Лена и её человек». Время не поставила.

* * *

Позже они раскладывали высохшее бельё. Артём пытался найти пары носкам, Лена складывала наволочки. Одна была вывернута, и она долго не могла понять, почему углы не совпадают.

— Не мучай её, - сказал он.

— Она первая начала.

Он забрал наволочку, вывернул, протянул обратно. Лена поцеловала его в щёку. Потом увидела на стуле кофту с ещё влажным рукавом.

— Ты её стирал?

— Нет. Всё собирался спросить, ты привезла от мамы?

Она потрогала ткань.

— Я сегодня ничего от неё не брала.

— А раньше?

— Не помню. Наверное.

Он хотел рассказать про тёплую воду. Вслух это звучало бы так, будто они обсуждают не высохший рукав. Он решил сам прополоскать кофту, чтобы не думать.

В ванной открыл горячую воду. Пар поднялся к зеркалу. Артём провёл ладонью по мокрому хлопку, отжал. Из рукава потекло мыльное, хотя порошка он ещё не добавлял.

Лена стояла в дверях.

— Может, она её замачивала.

— Кто?

— Мама. Ты сказал, от неё.

Он кивнул. Вода попадала на пол, и Лена принесла тряпку. Они устроились в маленькой ванной вдвоём: он отжимал, она подтирала. Несколько раз задели друг друга локтями. Он попросил отойти, она велела перестать брызгаться.

Когда кофта оказалась на сушилке, оказалось, что мокрые оба.

Лена стянула носок. На пятке остался след от плитки.

— Мы выбрали отличное занятие для вечера.

— Совместное.

Она кинула в него носком. Он поймал и по привычке понюхал.

— Артём!

— Что? Проверка качества.

Она смеялась, пока он не подошёл обнять её мокрой футболкой. Отступила в спальню, но он догнал. На несколько минут все вещи остались там, где их бросили.

* * *

Ближе к ночи Лена достала из коробки фотографии отца. Не собиралась показывать. Просто хотела найти одну, на которой он стоял возле машины и держал в руках огромную рыбу. Рыбу поймал кто-то другой, отец попросил для снимка.

Артём сидел рядом на кровати. В прошлом году он предложил отсканировать всё сразу, но потом они оба забыли. Теперь он открыл камеру.

— Не надо пока, - сказала Лена.

Он убрал телефон.

Она показала снимок с рыбой. Рассказала, как отец сначала уверял, что поймал сам, а потом выдал себя: не знал, как называется.

Артём рассмеялся. Она поискала другую фотографию. На ней отец сидел в аэропорту, вытянув ноги и прикрыв глаза кепкой.

— Он летать боялся, - сказала Лена.

— Ты говорила.

— Я? Когда?

— Не знаю. Давно.

Она повернула фотографию. На обороте была дата её первой самостоятельной поездки с родителями на море. Тогда он действительно боялся. Позже летал спокойно. Лена рассказала об этом во время ночного разговора на работе. Артём сказал, что сам пару раз не садился в самолёт до последнего.

Сейчас она вдруг поняла, что не знает, что это были за случаи.

— А ты когда боялся?

— Летать? Я всегда спокойно.

— Ты говорил…

Она замолчала.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Может, я неправильно поняла.

Артём взял снимок. Посмотрел на спящего человека.

— У меня отец боялся. Один раз на поезд пересел. Я тебе про него, наверное.

Лена приняла фотографию обратно. Такое объяснение было проще. У них за семь лет накопилось много разговоров; часть, наверное, смешалась.

Она отложила снимки и прислонилась к нему. Артём не стал предлагать убрать коробку. Сидел, пока она сама не выпрямилась.

— Спасибо, что сейчас не начал что-нибудь чинить, - сказала она.

— Я только держусь.

Она ткнула его кулаком в бок.

* * *

К полуночи разболелась голова. Лена легла раньше. Артём прошёл проверить дверь, собрал кружки, выключил кухонный свет.

В маленькой комнате оставалась включённая гирлянда. Они повесили её два года назад, когда пытались сделать из комнаты рабочий кабинет. Кабинет постепенно стал складом коробок и сушилки. Лена иногда шутила, что у них есть комната для будущей жизни.

Артём остановился у порога. Когда-то здесь собирались поставить детскую кровать. Они поговорили об этом один раз, без решения. Потом мать заболела, у Лены умер отец, сроки сами собой передвинулись. Он не знал, хочет ли она

сейчас возвращаться к теме. Боялся спросить так, будто делает ей ещё одно предложение на субботу.

На подоконнике стоял маленький горшок с засохшим растением. Артём потрогал землю. Она крошилась под пальцами. Надо выбросить. Он взял горшок, потом поставил: сначала спросит Лену, вдруг его ещё можно спасти.

С улицы донёсся смех. Во дворе двое мужчин пытались поднять на бордюр тяжёлую сумку. Один держал сверху, второй толкал ногой. Они оба смеялись, хотя сумка не двигалась.

Артём выключил гирлянду.

В спальне Лена лежала лицом к стене. Он обошёл кровать, лёг осторожно, чтобы не трясти матрас.

— Ты завтра поздно? - спросила она.

— Постараюсь нет.

Она ничего не ответила. Он понял, что опять сказал то же самое.

— Не знаю, - поправился он. - Утром уточню. К шести напишу точно.

Лена нашла его руку под одеялом. Положила себе на живот. Так они раньше часто засыпали. Сейчас ему было неудобно, затекало плечо, но убирать руку он не хотел.

Через несколько минут она вздохнула во сне.

В маленькой комнате что-то тихо звякнуло. Артём вспомнил горшок. Наверное, поддон, когда земля осыпалась. Лена сжала его пальцы, не просыпаясь.

Он остался лежать.

Утром земля на подоконнике была собрана маленькой кучкой. Горшок стоял ровно посередине поддона.

Артём решил, что Лена всё-таки вставала, и ничего не спросил: она как раз искала серёжку и уже опаздывала.

Глава 6. План квартиры

В понедельник из шкафа потекло.

Лена заметила воду первой. Прислала фотографию мокрой полосы возле плинтуса и спросила, какая из двух труб перекрывается. Артём открыл снимок между совещаниями и понял, что не помнит собственную сантехнику. Ответил, чтобы ничего не трогала, сейчас узнает.

Хозяин квартиры жил в другом городе. Номер мастера у него был, но он обещал найти его только к вечеру. Лена подложила полотенца. Артём вышел с работы на час и приехал с новым шлангом, купленным наугад.

На кухне стоял таз. Вода падала в него редко, по одной капле, но пол возле шкафа уже вздулся. Лена сидела на корточках, придерживая телефон подбородком. Вера на громкой связи спрашивала, куда отправить исправленный макет.

— Я через полчаса зайду, - сказала Лена.

Артём опустился рядом. В шкафу под мойкой было темнее, чем он ожидал. Фонарик высветил два крана, влажную заднюю стенку и губку, давно провалившуюся за ведро.

Он потянулся к трубе. Металл был холодным. Чтобы повернуть вентиль, пришлось лечь на бок.

— Не трогай красный, - сказала Лена, закрыв звонок.

— Тут нет красного.

— На фотографии был.

Артём посветил выше. Маленькая красная ручка пряталась за трубой. Он не видел её, пока не вытянул шею. Повернул. Из смесителя перестала идти горячая вода.

— А почему не трогать?

— Не знаю. Мне так хозяин написал.

Он посмотрел на неё из-под раковины.

Лена показала сообщение. Хозяин действительно написал: «Красный лучше не трогать, старый, потом не откроете». Артём закрыл глаза, посчитал до пяти. Потом осторожно вернул ручку. Вода пошла.

Шланг, который он купил, не подошёл. Лена не сказала ни слова. Именно поэтому он начал раздражаться.

* * *

Мастер приехал в шестом часу. Невысокий, в чистой куртке, с огромной сумкой, которую нёс так легко, будто она пустая.

— Сергей, - представился он. - Показывайте вашу реку.

Артём рассказал, что пробовал. Сергей выслушал, посмотрел на купленный шланг и сказал, что такой обязательно когда-нибудь пригодится, только не сегодня.

Лена фыркнула в кружку. Артём тоже не удержался.

Сергей перекрыл воду, снял старую деталь, объяснил, что шланг ни при чём: ослабло соединение. Работал спокойно, иногда просил тряпку или таз. Лена ушла в спальню на звонок. Артём держал фонарик и старался не светить мастеру в глаза.

— А стена почему мокрая дальше? - спросил он.

Сергей потрогал обои у соседнего шкафа.

— По плинтусу затекло. Просушить надо.

Он попросил открыть дверцы. Артём стал вытаскивать бутылки и пакеты. За ними обнаружилась старая деревянная панель с двумя винтами.

— Это что?

— Стояк, наверное. Люк сделали как получилось.

Сергей выкрутил винты. Панель отлипла от краски с тихим хрустом. Внутри были трубы и кирпич, неровно промазанный серым раствором. Узкая шахта уходила вверх, где за перекрытием не было видно ничего.

Артём поднял фонарь. Луч упёрся в паутину.

— К соседям можно отсюда?

— К тараканам можно. К соседям неудобно.

Сергей протянул внутрь руку, проверяя соединение. Сверху посыпалась мелкая пыль. Артём шагнул назад, и мастер не сразу понял почему.

— Не бойтесь, не обвалится.

Из шахты донеслось короткое покашливание. Артём поднял голову.

Сергей постучал костяшкой по трубе.

— Слышимость. Отсюда весь дом слышно. Только дом слушать никто не хочет, пока не потечёт.

Артём впервые за несколько дней испытал нечто похожее на облегчение. Телевизор, шаги, стулья. Голоса через трубу.

Он хотел попросить Сергея посидеть у люка подольше и ещё раз покашлять, но не придумал, как это объяснить.

* * *

Пока мастер собирал сумку, Артём достал бумагу и начал рисовать квартиру. Хотел отметить вентили, чтобы в следующий раз не спорить по фотографии. Получился кривой прямоугольник. Он добавил спальню, маленькую комнату, кухню. Коридор вышел слишком широким.

— У вас тут танцпол, - заметил Сергей.

Лена, закончив звонок, заглянула через плечо.

— Это он шкаф не нарисовал. И дверь у нас не там.

Они переставили дверь. Ванная перестала помещаться. Артём взял новый лист.

Сергей ждал оплату у порога. Пока Артём переводил деньги, мастер увидел переключатели возле зеркала.

— Эта лампа мигает у вас?

— Иногда.

— Выключатель поменяйте. Клавиша гуляет.

Он нажал пальцем. Лампа загорелась не сразу, с короткой задержкой.

— Может сама включиться?

— Если контакт плохой, лучше не гадать. Я электрику не делаю. Могу номер дать.

Артём взял номер. Записал имя: Глеб. Показалось неправильным, что ещё одного незнакомого человека придётся впустить в дом, который он и сам уже плохо понимает.

Лена закрыла дверь и спросила, что за схема.

— На всякий случай.

— Вентили запомнить?

— Да.

Она взяла карандаш, подписала два квадратика. Горячая. Холодная. Потом нарисовала возле кухни кружку.

— Это что?

— Место, где тебя кормят. На случай, если опять потеряешься.

Он повесил листок на холодильник.

* * *

Электрик мог прийти только в пятницу. Артём сказал, что подождут. Лена предложила пока просто не пользоваться маленькой лампой.

— Света же хватает.

Он согласился. Даже заклеил клавишу полоской малярной ленты. Лента кончалась. Артём оторвал последний кусок и повесил пустую втулку на крючок: потом купит такую же ширину.

Они сушили шкаф феном. Сергей велел не прижимать поток вплотную. Лена держала фен, Артём сидел рядом и разбирал бутылки. У просроченного средства для стирки оказалась почти приятная тяжесть: с ним всё понятно, его можно выбросить.

— У тебя в детстве была своя комната? - спросила Лена сквозь шум.

— Почему?

— Ты всё время дверь закрываешь. Даже если никого нет.

— Была. Но я там ещё с сестрой сначала жил.

Она выключила фен.

— Ты говорил, один.

— После пятого класса один. А до этого вместе.

Лена кивнула. Взяла бутылку, стёрла с неё пыль.

— Я, наверное, не так запомнила.

Он хотел спросить, почему она сегодня так часто проверяет его прошлое. Но сам уже не был уверен, что рассказывал ей. История про комнату могла относиться к другой квартире, к даче, к гостям у бабушки.

— Я тебе покажу фотографии, - сказал он.

Лена улыбнулась, но без прежней лёгкости.

— Покажешь.

* * *

Перед сном Артём проверил кухонный шкаф. Стенка подсыхала. Таз он оставил на месте, постелив на дно сухую салфетку: если снова потечёт, утром будет видно.

Деревянный люк Сергей прикрутил обратно. Один винт остался кривым. Артём надавил пальцем, проверяя прочность. Панель не двигалась.

В ванной шумела Лена. Он прошёл в прихожую и посмотрел на заклеенный выключатель.

Под лентой угадывался бугорок клавиши. Она была опущена вниз.

Из спальни донёсся короткий звук, будто кто-то провёл ладонью по одеялу. Артём подошёл к порогу. На кровати лежал телефон, экраном вверх. Телефон Лены, на зарядке. Только что пришло сообщение.

Он не стал смотреть.

Вернулся на кухню за стаканом и заметил на схеме возле ванной маленькую точку. Наверное, след карандаша, пока Лена подписывала краны. Пятно было точно там, где находилась ниша с трубами.

Он провёл по нему пальцем. Грифель размазался.

Артём хотел стереть точку, но не нашёл ластик. Оставил до утра.

Ночью он просыпался дважды. Оба раза слушал воду в трубе. Сергей объяснил звук, и теперь объяснение работало: за стеной живут люди. Кто-то кашляет. Кто-то поздно моется. У всех дела.

Только под утро показалось, что кашлянули прямо в кухне.

Он не встал. Не хотелось опять оказаться человеком, который не может уснуть в собственной квартире.

Глава 7. Чашки

Лена встретилась с Дашей после работы. Первая свободная кабинка оказалась возле окна, из которого было видно только мокрый козырёк. Даша сразу села спиной к залу. Она всегда так выбирала места: говорила, что не любит, когда её разглядывают.

— Ты меня уже минут пять рассматриваешь, - сказала она.

Лена убрала шарф.

— Я только села.

— Это у тебя лицо такое. С вопросом.

Даша работала бухгалтером на несколько небольших компаний. В конце месяца отвечала на сообщения цифрами, в начале - ругалась на чужие чеки. Сегодня она положила телефон экраном вниз и сказала, что час у неё есть, потом опять начнётся.

Лена заказала чай. Взяла самую большую чашку. Когда принесли, оказалось, что держать её удобно только двумя руками.

Она рассказала про презентацию. Даша порадовалась, спросила, сколько заплатят. Услышав, сказала, что в следующей жизни пойдёт рисовать прямоугольники.

— Ты же умеешь.

— У меня прямоугольники с отчётами. За них столько не дают.

Лена смеялась. Потом поймала себя на том, что уже третий раз обходит словами разговор с Артёмом. Она собиралась рассказать, какой он был внимательный, а вместо этого говорила про заказчика и цвета. Это выглядело глупо: Даше она могла сказать что угодно. Наверное, именно поэтому ей было трудно.

* * *

Почти год назад умер Дашин кот, Бублик. Лена тогда не знала, что делать. Купила цветы, поняла, насколько нелепо они будут выглядеть, и оставила их в машине. Поднялась с хлебом и творогом.

Даша сидела на кухне. На полу стояла вымытая переноска. Слишком чистая: она оттёрла даже мелкие царапины на дверце.

Лена пыталась подобрать слова. Даша просила их не подбирать. Они просидели весь вечер, обсуждая плохой фильм, и это оказалось единственным, за что Даша потом благодарила.

Сейчас у неё на сумке всё ещё висел брелок с рыжим котом. Краска на носу стёрлась. Лена коснулась его.

— Не хочешь другого?

Даша посмотрела на брелок, потом на неё.

— Другой брелок?

— Кота. Прости, я не так…

— Не хочу пока.

Она вернула сумку на сиденье.

— Я один раз миску доставала. Помыла. Подумала, ну всё, можно. Потом весь вечер проверяла, не выйдет ли он есть. Убрала обратно.

Официант поставил между ними маленькую тарелку с лимоном. Даша подождала, пока он уйдёт.

— Самое тупое знаешь что? Я камеру не выкинула. Стоит в шкафу, я за интернет плачу, и мне приложение иногда пишет: давно вас не видели. Давайте настроим наблюдение. А я не могу удалить.

Лена положила ладонь возле её руки. Не сверху, просто рядом. Даша взяла кусок лимона.

— Ладно. У нас тут не заседание клуба.

* * *

Лена всё-таки рассказала про звонок.

— Я говорила про отца. Долго. Он ни разу не сказал, что уже слышал, что надо держаться, что у других хуже.

Даша не перебивала.

— И я теперь думаю: почему я так удивилась? Это же нормальная вещь, послушать человека.

— Слушать долго сложно, - сказала Даша. - Я иногда слушаю тебя и хочу чайник помыть. Не потому, что ты мне неинтересна. Просто руки некуда деть.

— Ты бы сказала.

— Не всегда. Я могу и вид сделать, что слушаю, пока ищу квитанцию. Я тоже не чудо природы.

Лена отломила кусочек печенья. Крошки упали на блюд-

це.

— Мне стыдно, что тот разговор так много для меня значит.

— А должно быть стыдно, что радуешься?

Она покачала головой.

Даша подалась вперёд.

— Тогда пусть значит. Только не делай из него экзамен. Типа вот тогда ты смог, а теперь почему нет. Он у тебя сейчас правда выжатый.

Лена услышала в последней фразе то, чего боялась: опять должна потерпеть. Она выпрямилась. Даша заметила.

— Это не значит, что ты должна молчать, - добавила она. - Ты тоже выжатая. У вас что-то один стакан на двоих, а пить оба хотят.

— Ты сегодня философ.

— Я сегодня ещё ни одной накладной не видела. Подожди до вечера.

* * *

На улице они разошлись возле перехода. Даша пошла к остановке, Лена зашла в магазин. Купила две одинаковые чашки: старые уже не нравились, одна была со сколом, другую невозможно было отмыть внутри ручки.

Продавец завернул каждую в бумагу. Лена несла пакет осторожно, как будто в нём было что-то более хрупкое, чем керамика.

Дома пахло пылью от разобранного шкафа. Артём ещё не

вернулся. Она поставила чашки на стол, сняла упаковку. Одна оказалась с маленькой точкой в глазури. Лена решила, что эта будет её, чтобы не путать.

В раковине лежали две чайные ложки. На одной засох сахар. Она могла оставить утром, хотя с утра пила кофе без сахара. У Артёма сахар был в чае. Значит, он заходил днём.

Лена написала: «Ты домой заезжал?»

Он прочитал не сразу. Потом ответил, что нет. Следом: «Что случилось?»

Она сфотографировала ложки и поняла, насколько нелепо это выглядит. Не отправила. Написала, что просто спросила.

Артём позвонил. Из трубки доносился шум дороги.

— У нас опять течёт?

— Нет. Всё нормально.

— Ты сказала, про дом спросить.

— Я спросила, заходил ли. Просто ложки увидела.

Он помолчал.

— Ложки?

Лена закрыла глаза.

— Забудь. Утром оставили.

— А. Ну да, наверное.

Он сказал, что скоро, и отключился. Она стояла возле раковины и сердилась на себя. Можно было сразу помыть две ложки и заняться вечером. Вместо этого устроила человеку допрос из-за грязной посуды.

Вымыла. Вытерла полотенцем, поставила в стакан.

* * *

Когда Артём пришёл, она показала новые чашки. Он взял ту, что с точкой, сказал, что эта его.

— Почему?

— Ну она уже испорченная. Знакомое чувство.

— Не начинай.

Он улыбнулся. Лена не стала спорить. Пусть будет его. В конце концов, чашки можно не распределять по правилам.

Они пили чай на кухне, пока сушился шкаф. Артём рассказал про Сергея, который умеет шутить, не отрываясь от трубы. Лена спросила, может ли он заодно поставить им хороший замок. Артём обещал узнать.

После ужина она ушла работать. Ещё час редактировала слайды, потом зашла в кухню за водой.

В сушилке стояли две старые чашки. Одна со сколом. Другая с грязной ручкой. Она вымыла их раньше, перед приходом Артёма, не выбросила. Решила отдать на дачу.

Новые стояли на столе. Возле каждой лежала ложка.

Она посчитала. Две в стакане. Две возле чашек. Всё правильно: ложек у них много. Мысль получилась настолько ненужной, что Лена даже рассмеялась.

Потом увидела сахар на скатерти. Маленькая белая дорожка вела от сахарницы к новому Артёмову блюдцу.

— Ты добавлял? - спросила она из кухни.

— Что?

— Сахар.

— Да. А что?

— Ничего.

Лена поставила воду на подоконник. Стекло отразило её плечо и дверной проём за ним. Артём сидел в комнате за ноутбуком. Из кухни его не было видно; отражение показывало только край стула.

Она вдруг почувствовала, как хорошо, что он дома. Можно спросить про сахар, услышать ответ и больше ни о чём не думать.

Лена вернулась к нему. Села на пол рядом с креслом, привалилась к его колену. Он положил ладонь ей на волосы и продолжал печатать.

Через несколько минут она задремала.

Из кухни донёсся короткий металлический звон. Артём убрал руку с её головы, прислушался.

Лена открыла глаза.

— Ложка, наверное, упала.

— Да, - сказал он.

Он снова положил ладонь. Они оба остались на месте.

Глава 8. Пятый этаж

Во вторник Нина Сергеевна решила сама дойти до аптеки. Сын обещал забрать заказ, но она не хотела ещё одного пакета с извинением, что поздно. Выписку положила в сумку, деньги - в отдельный карман. Телефон проверила дважды.

На площадке курили. Молодой мужчина с пятого этажа стоял у открытого окна и смотрел на экран. Нина Сергеевна знала его только по имени: Павел. Узнала, когда он однажды принял её посылку. Из его квартиры часто доносилась детская музыка. Значит, был ребёнок, хотя самого ребёнка она видела редко.

Павел потушил сигарету раньше, чем она успела что-то сказать.

— Здравствуйте. Я уже всё.

— На улице бы.

— Знаю.

Он убрал окурок в банку на подоконнике. Нина Сергеевна посмотрела на банку: её когда-то приносила сюда для цветов соседка. Растения умерли, банка осталась.

Павел предложил подержать дверь лифта. Она сказала, что сходит пешком: так полезнее. Он не стал объяснять, что после операции ей, может быть, не полезно. Нине это понравилось.

До аптеки она шла медленнее, чем хотелось. Пришлось

остановиться у лавочки, сделать вид, что ищет что-то в сумке. Ветер выдувал тепло из-под кардигана. Дома казалось, на улице теплее.

В аптеке заказа ещё не было. Фармацевт извинилась, предложила оставить номер. Нина Сергеевна сказала, что сын уже оставлял. Женщина посмотрела в компьютер.

— Да, вижу. Мы ему сообщим.

У Нины Сергеевны возникло неприятное чувство, будто её самой здесь нет. Есть сын, номер заказа, телефон для связи. Она стояла возле прилавка, но всё важное происходило где-то за ним.

Купила пластырь, хотя дома был. Не хотелось уходить совсем ни с чем.

* * *

Когда вернулась, на площадке плакал ребёнок. Девочка сидела на ступеньке в носках, прижимая к животу плюшевую лошадь. Дверь Павловой квартиры была приоткрыта. Изнутри доносилось шипение душа.

Нина Сергеевна остановилась.

— Ты чего тут?

Девочка посмотрела на неё и тут же уткнулась в игрушку.

— Папа моется?

Она кивнула.

— А ты чего вышла?

— Там мама.

Нина Сергеевна посмотрела на дверь. В квартире тихо ра-

ботал телевизор. Вода за стеной шумела не так громко, как показалось сначала: наверное, у соседей.

— Ну так к маме иди.

Девочка покачала головой.

— Она спит.

Нина Сергеевна поняла. Ребёнка попросили не шуметь, и он вышел на лестницу, чтобы никому не мешать. Это было одновременно смешно и обидно. Она постучала в дверь костяшкой.

— Павел!

Он появился почти сразу, в домашней футболке, с полотенцем на плече. Увидел девочку, присел.

— Соня, я же просил не выходить. Ты зачем?

Девочка ничего не сказала. Павел поднял её на руки. Она всё ещё держала лошадь, так что игрушка повисла между ними, прижатая к его груди.

— Извините, - сказал он Нине Сергеевне. - Я на минуту. У меня созвон был, а она мультик должна была…

Он замолчал, не договорив объяснение. Нина Сергеевна махнула рукой: не перед ней ему оправдываться.

— В носках по лестнице. Простынет.

Павел посмотрел на детские ступни и понёс её внутрь.

Дверь закрылась. Нина Сергеевна постояла возле своей, достала ключи.

Вспомнила, что хотела спросить про мать девочки. Не стала звонить снова.

* * *

После обеда Артём позвонил сердитый. Почему она ходила сама, если он собирался? Кто сказал, что заказ готов? Она объяснила, что просто вышла пройтись. Сын помолчал, потом спросил, не болит ли шов.

— Нет.

На самом деле тянуло. Терпимо. Если сказать об этом, он приедет, будет проверять повязку, искать врача, спрашивать, зачем она пошла. Нина Сергеевна не хотела, чтобы каждый выход из дома становился общим решением.

— Я пластырь купила.

— У тебя есть пластырь.

— Теперь ещё есть.

Она сама услышала в голосе упрямство. Как у ребёнка, которого застали за ненужной покупкой. От этого стало ещё обиднее.

Сын сказал, что перезвонит вечером. Она ответила: «Работай» и отключилась первой.

Остаток дня провела у телевизора. Не следила за передачей. В кухне стояла кастрюлька Зои. Надо было вернуть. Подруга не любила, когда у неё задерживали посуду.

Нина Сергеевна вымыла крышку, потом увидела, что на ней осталась полоска жира, и вымыла ещё раз. Горячая вода успокаивала руки.

В коридоре что-то стукнуло. Она выглянула: за дверью разговаривали Павел и женщина. Слова не разбирались. Ни-

на Сергеевна прислонила крышку к сушилке, вытерла пальцы.

Женщина сказала: «Ты иди. Я останусь».

Нина узнала Ленин голос.

Она подошла к входной двери. В глазок был виден кусок площадки и тёмный край чужого рукава. Человек стоял слишком близко. По ту сторону двери дышали; наверное, звук шёл из трубы, но у Нины Сергеевны непроизвольно сжались плечи.

Она не открыла. Лена могла приехать и зайти сначала к Павлу? Они не знакомы. Может, голос просто похож.

Шаги удалились вверх. Нина подождала ещё немного, потом вернулась к раковине.

* * *

Вечером пришёл сын. Принёс лекарства, отругал аптеку, которая поздно отправила уведомление. Нина Сергеевна не стала рассказывать про голос. Если он слышит только усталость и таблетки, зачем добавлять ещё одно.

Артём поужинал, поправил провода возле телевизора. Сказал, что по лестнице опять курят.

— Это Павел.

— Знаю. Я ему говорил.

— У него девочка сегодня на лестницу вышла. Маленькая ещё. Мама, видимо, спала, папа занят.

Сын сидел спиной к ней, разбирая удлинитель.

— У него жена в другом городе. Они разъехались вроде.

— Откуда ты знаешь?

— В лифте общались. Он у меня про машину спрашивал.

Нина Сергеевна поняла, что ничего в этом нет. Разъехались - не значит, что мать не может приехать. Взрослые возвращаются к детям. Она хотела объяснить это сыну, но вместо этого сказала:

— Ребёнок в носках сидел. Я велела домой идти.

Артём кивнул, не оборачиваясь.

Перед уходом он спросил, что ей купить завтра. Она ответила, что всё есть. Он проверил холодильник, будто её слова требовали подтверждения. Нашёл сморщенное яблоко, хотел выбросить. Она отняла.

— На компот.

Он посмотрел на неё, усмехнулся и отдал.

Нина Сергеевна проводила его до двери. Поцеловала в щёку, почувствовала щетину и спросила, почему не бреется. Он сказал, что это его лицо и оно так живёт.

Она закрыла дверь, повернула ключи. Верхний замок. Нижний. Цепочка.

Через некоторое время на лестнице прошли двое. Мужские шаги и лёгкие детские. Нина Сергеевна посмотрела в глазок, но никого уже не увидела.

Сверху позвали: «Пап, она опять спит».

Ответа она не разобрала.

В спальне было прохладно. Нина Сергеевна села на кровать и потянулась за кардиганом. Он лежал на стуле, вывер-

нутый рукавами внутрь. Она просунула руку, не попала в пройму, рассердилась на собственную неловкость.

На кухне тихо щёлкнул телевизор.

Она знала, что выключила его пультом. Потом вспомнила, что сын поправлял провода. После этого всё могло работать иначе.

Нина Сергеевна осталась сидеть. Подождала, пока снова станет тихо, и только тогда пошла выключать экран.

Глава 9. Не буди

Впервые Артём заметил ночной свет во вторник.

Артём проснулся, потому что Лена потянула одеяло. Тонкая полоска лежала под дверью спальни. В этой квартире они жили четвёртый год, и он знал, от какой лампы получается такой свет: от маленькой над зеркалом, возле входа.

Лена спала. Волосы попали ей в рот. Он осторожно убрал прядь и выбрался из постели.

Лампа погасла прежде, чем он дошёл до двери.

В прихожей пахло кремом для обуви. На коврике стояли его ботинки. Один был начищен, другой оставался серым от соли. Артём вспомнил, что вечером собирался заняться ими, и не мог припомнить, начал ли.

Он проверил замок. Закрыто на два оборота. Заглянул в кухню, ванную, маленькую комнату. Сушилка стояла поперёк прохода. Пришлось повернуться боком, чтобы добраться до окна.

Вернувшись, он увидел Лену сидящей на кровати.

— Что там?

— Ничего. Показалось, свет горит.

Она посмотрела на его руки, потом на дверь.

— Может, я включила.

— Ты вставала?

— Не помню.

Артём лёг. Лена подождала, пока он устроится, и прижалась спиной. Через минуту дыхание её стало ровным. Он лежал с открытыми глазами и думал о том, что не купил крем для обуви. Старый тюбик закончился ещё в октябре.

Утром оба ботинка были чистые. Второй мог почистить спросонья. Артём сунул руки в карманы куртки, нашёл тюбик, смятый пополам, и успокоился.

* * *

В среду Лена ушла на работу раньше него. Он задержался у комода, проверяя документы, и услышал, как на кухне выдвинулся стул.

— Забыла что-то?

Из прихожей не ответили. Входная дверь только что закрылась.

Артём прошёл к кухне. Лена стояла на лестнице и присылала сообщение: забыла пропуск, сейчас поднимется. Он увидел уведомление, открыл ей и сам принёс карточку.

— Ты стул двигала?

— Когда?

— Сейчас.

Лена посмотрела мимо него в квартиру.

— Может, зацепила, когда уходила.

Вечером он приклеил маленький квадрат малярной ленты под переднюю ножку. Лена спросила, что он делает.

— Пол царапает.

— Так ты на ножку наклей.

Он отклеил ленту при ней и бросил в мусор.

Позже, когда она мылась, вернулся с карандашом и отметил положение стула на шве между плитками.

* * *

В четверг мать позвонила в половине третьего ночи.

— Ты не уезжай.

Артём сел на кровати. Голос у неё был отчётливый, совсем не сонный.

— Мам, я дома.

— А я подумала, ты опять вниз ушёл. Машину переставить.

— Я у тебя не был.

Она дышала в трубку. Он услышал, как что-то трётся о микрофон.

— Мам?

— Значит, приснилось.

— Что приснилось?

— Ты в кресле сидел. Я проснулась, а ты там. Спросила, чего не спишь. Ты сказал, чтобы я спала.

Артём включил лампу. Лена перевернулась на спину, закрыла глаза предплечьем.

— Сейчас свет включи, - сказал он матери.

— Уже включила. Никого.

— Дверь проверь.

Она послушно прошла в прихожую. Назвала замки: верхний закрыт, нижний закрыт, цепочка на месте.

— Всё хорошо, - сказала мать. - Извини. Мне приснилось.

Он предложил приехать. Она отказалась. Они ещё немного поговорили о кресле, которое оказалось слишком глубоким: из него трудно вставать. Артём пообещал привезти подушку.

Когда он положил телефон, Лена убрала руку с лица.

— Может, ей лекарства так действуют?

— Может.

Они договорились утром позвонить врачу.

Свет Артём не выключил. Лена ничего не сказала.

Через некоторое время она заснула. Он услышал, как у соседей прошла вода по трубе. Холодильник включился, поработал и стих.

Из-за двери донёсся сухой шорох.

Артём приподнялся на локте. Подождал. Звук не повторился.

Он хотел проверить карандашную отметку на кухне, но для этого надо было пройти коридор. Из кровати был виден только край комода. Всё остальное оставалось за дверью.

Артём посмотрел на спящую Лену. Взял телефон и открыл камеру: можно было выставить руку в коридор, включить вспышку и потом рассмотреть снимок.

Он уже протянул ногу к тапочкам, когда из прихожей раздался тихий щелчок.

Кто-то выключил лампу над зеркалом.

В спальне по-прежнему горел ночник.

Артём осторожно вернул ногу под одеяло.

Глава 10. Один оборот

К утру Артём решил, что нужно заняться выключателем. Не искать значение звуков и не вспоминать, сколько раз он вставал. Позвать человека с инструментами, показать ему лампу и получить обычный ответ.

Глеб, чей номер дал Сергей, сказал, что в пятницу уже не сможет. Освободилось окно сегодня в восемь сорок. Артём согласился, предупредил Лену. Та собралась на работу молча. Перед уходом взяла его за плечо и несколько секунд постояла рядом, не пытаясь поцеловать. Он хотел сказать, что сейчас всё объяснят. Удержался.

Глеб оказался совсем молодым. Вошёл в бахилах, хотя коридор был грязный после ремонта трубы. Разложил инструмент на маленькой салфетке. Увидел малярную ленту на выключателе и спросил, кто клеил.

— Я, - ответил Артём.

— Чтобы не пользовались?

— Да.

Глеб отклеил полоску. Под ней было чисто. Клавиша не западала, только слегка покачивалась, если нажать сбоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.